

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.1)
EDN [XFMFMO](https://edn.xfmfmo.ru)
УДК 316.624

Я. А. Ардельянова¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. В статье приводятся результаты теоретического осмысления трансформаций социального контроля девиаций, в частности изменений его форм, принципов и механизмов. В методологическом плане работа опиралась на концепцию социального контроля С. Козна и последующие теоретические разработки исследователей цифрового общества. Были рассмотрены ключевые направления эволюции механизмов социального контроля: размывание границ между формальными и неформальными практиками, гибридизация практик социального контроля, а также технологизация и алгоритмизация социального контроля. Особое внимание было уделено технологизации контроля, в частности, были проанализированы методы нейросетевой видеоаналитики (включая распознавание подозрительного поведения), мониторинга цифровых следов в социальных сетях и образовательной среде, а также кластеризации поведенческих профилей сотрудников. Также в статье рассматриваются парадоксальные эффекты современных контрольных практик: «расширение сети» при внедрении альтернативных санкций, концентрация контроля при его пространственной дисперсии, формирование зон безответственности в гибридных практиках контроля. В заключении формулируются перспективы дальнейших эмпирических исследований, направленных на анализ социальных последствий цифрового контроля (новые формы неравенства, трансформация субъективности, эффект наблюдателя) и разработку этических протоколов баланса между безопасностью и приватностью.

Ключевые слова: социальный контроль, девиация, дисперсия контроля, расширение сети, цифровой паноптизм, гибридизация, алгоритмизация, предиктивная аналитика, цифровые девиации, мониторинг поведения

Для цитирования: Ардельянова Я. А. Институциональные изменения и цифровая трансформация социального контроля девиантного поведения // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 2. С. 9–22. DOI [10.19181/nko.2026.32.2.1](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.1). EDN [XFMFMO](https://edn.xfmfmo.ru).

Введение. Проблема социального контроля девиаций традиционно занимает центральное место в социологической теории, однако характер её осмысления существенно трансформируется под влиянием институциональных изменений последних десятилетий. Классические представления о социальном контроле как преимущественно государственной деятельности по поддержанию нормативного порядка через систему формальных санкций уступают место более сложным моделям, учитывающим диффузию контрольных функций, их проникновение в повседневность и гибридизацию различных регулятивных логик.

Актуальность исследования новых форм и механизмов социального контроля обусловлена несколькими факторами. Во-первых, происходят фундаментальные институциональные сдвиги, связанные с пересмотром роли государства в управлении девиантностью: деинституционализация и декриминализация в одних сферах сочетаются с усилением репрессивного компонента в других [1; 2]. Во-вторых, технологическое развитие создаёт принципиально новые

возможности для наблюдения, фиксации и коррекции поведения, качественно изменяя саму природу контроля [3; 4]. В-третьих, наблюдается размывание традиционных границ между публичным и приватным, формальным и неформальным, принудительным и добровольным в механизмах регуляции поведения [5; 6].

Кроме того, актуальность исследования обусловлена не только трансформацией самих контрольных механизмов, но и изменением в социологической теории понимания природы девиаций. Происходит переход от базовых моделей (понимание девиации как имманентного свойства поступка) к релятивистским и конструкционистским подходам, а также появляются новые формы девиантного поведения, порождённые цифровой средой (кибербуллинг, троллинг, доксинг, онлайн-экстремизм, цифровые аддикции и др.). Эти новые девиации, в свою очередь, стимулируют ответную эволюцию контрольных практик, что делает их совместное изучение особенно важным.

Статья носит теоретико-концептуальный характер. Цель данной статьи — теоретическая концептуализация новых форм и механизмов социального контроля девиаций, формирующихся в условиях институциональных изменений. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: 1) систематизировать теоретические подходы к анализу трансформации социального контроля; 2) выделить основные направления институциональных изменений в данной сфере; 3) описать ключевые механизмы и эффекты современных контрольных практик.

Теоретико-методологические основания. Для начала уточним понятийный аппарат исследования. Под *механизмом социального контроля* в данной статье понимается последовательность социальных процессов, включающая: установление нормативных стандартов (что считается девиацией), наблюдение и фиксацию отклонений, оценку и классификацию выявленных случаев, применение санкций (формальных или неформальных, репрессивных или терапевтических) и обратную связь, корректирующую нормативную систему. *Цифровая трансформация социального контроля* определяется как качественное изменение всех перечисленных процессов под воздействием технологий сбора, обработки и анализа больших данных, алгоритмизации принятия решений и автоматизации наблюдения, что ведёт к сдвигу от реагирования к предиктивному управлению рисками. *Девиантное поведение* трактуется в соответствии с классической традицией (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Я. И. Гилинский) как действия или поступки, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам и ожиданиям, влекущие применение социальных санкций.

Социологическая рефлексия социального контроля прошла несколько этапов — от понимания его как механизма самосохранения общества (Э. Дюркгейм) и инструмента поддержания нормативного консенсуса (Т. Парсонс) до критических концепций, выявляющих дисциплинарную природу современных обществ. Поворотным моментом стала работа М. Фуко «Надзирать и наказывать» [7], предложившая рассматривать современные наказания не как результат гуманизации, а как формирование новой дисциплинарной власти, ориентированной на нормализацию душ, тел и поведения индивидов.

Развивая идеи М. Фуко, британский социолог С. Коэн в работе «Представления о социальном контроле: преступление, наказание и классификация» [1] предложил систематический анализ трансформаций социального контроля в конце XX века. С. Коэн зафиксировал парадоксальную ситуацию: период,

провозгласивший отказ от тотальных институтов и движение к «альтернативным санкциям» и «общинным программам», на деле ознаменовался не сокращением, а качественным и количественным расширением контрольного аппарата.

Для анализа современных трансформаций социального контроля концептуальная схема С. Коэна сохраняет высокий эвристический потенциал. Ключевыми элементами его подхода выступают следующие понятия:

Дисперсия социального контроля — процесс распространения контрольных функций за пределы специализированных институтов (тюрем, психиатрических лечебниц) в сообщество, что создаёт эффект «контроля без стен». Важно, что этот процесс не означает ослабления контроля; напротив, контроль становится более диффузным, проникая во все сферы повседневной жизни.

Расширение сети (net widening) — ключевой эффект дисперсии, состоящий в том, что альтернативные санкции не заменяют традиционные, а дополняют их, вовлекая в орбиту контроля новые категории населения. Программы, позиционировавшиеся как более гуманные, на практике расширяют контрольное воздействие на тех, кто ранее избегал формальных санкций.

Нормализация — смещение фокуса с наказания за конкретное деяние на превентивную коррекцию образа жизни, установок и стилей поведения. Институты социальной работы, образования и здравоохранения начинают выполнять функции нормализации, ранее свойственные преимущественно пенитенциарной системе.

Медикализация vs криминализация — описание сдвигов в определении девиантности, когда девианты переопределяются как пациенты, нуждающиеся в лечении. Принципиально важным является указание Коэна на то, что подобное переопределение не отменяет принуждения — грань между заботой и принуждением становится размытой.

Дополнительную аналитическую глубину придаёт типология идеальных моделей контроля, выделенных С. Коэном: репрессивная (ориентированная на наказание и изоляцию), медицинская (понимающая девиацию как болезнь), патерналистская (связывающая девиацию с социальным неравенством) и бюрократическая (действующая через классификацию и документацию). В реальной практике эти модели существуют не как исторически сменяющие друг друга стадии, а как одновременно присутствующие логики, образующие гибридные формы.

Отдельно стоит отметить работу Д. Гарленда «Культура контроля. Преступность и социальный порядок в современном обществе» [2], в которой он обосновал тезис о том, что современное общество живёт в «культуре контроля», для которой характерны небезопасность, суровость и недоверие к институтам, и эта культура является выражением глубоких структурных изменений в обществе. Д. Гарленд, опираясь на идеи С. Коэна, показал, как неолиберальные реформы, сокращение социальных расходов и приватизация публичных услуг сопровождаются беспрецедентным расширением системы уголовной юстиции.

Л. Вакан в работе «Наказание бедных: неолиберальное правительство социальной незащищённости» [8] развил этот тезис, проанализировав взаимосвязи между неолиберализмом, бедностью и системой уголовного правосудия. Л. Вакан показал, как в условиях неолиберализма пенитенциарная система заменяет собой государство социального обеспечения. Вместо решения социальных проблем государство начинает управлять их последствиями через репрессии, что приводит к росту числа заключённых и усилению социального неравенства.

Л. Вакан утверждает, что неолиберальное государство одновременно демонтирует системы социального обеспечения и расширяет карательный аппарат.

Эволюция моделей надзора представлена в работе А. А. Сизова «Надзор и структурное насилие: от Паноптикона к алгоритмам» [9]. Автор анализирует эволюцию техник надзора и их взаимосвязи со структурным насилием. Развитие моделей контроля идёт от «архитектуры поведения» (управление множеством через воздействие на индивида) к «экологии действия» (управление конкретными выборами ради статистического эффекта на уровне популяции). Особое внимание уделяется интерфейсам в алгоритмическом управлении, которые интегрируются в единую систему, манипулирующую набором доступных пользователю возможностей.

Индонезийские исследователи С. Рионо, Г. Гунарто и Дж. Хафидц в статье «Направления политики социального контроля над преступностью в цифровую эпоху» [10] рассматривают адаптацию политик контроля к цифровым реалиям. Авторы утверждают, что политики социального контроля преступности будут продолжать развиваться в соответствии с различными сложностями, которые продолжают возникать как следствие жизни в обществе. Ключевой вывод: усилия по реконфигурации политик социального контроля преступности как формальными, так и неформальными агентами будут расти параллельно с массированным использованием различных технологических инструментов.

Турецкий исследователь Н. Атешоглу в главе «Invisible Power in the Digital Sphere: Surveillance and Social Control» [11] ставит принципиальные вопросы о природе цифрового контроля. Исследование направлено на изучение политических и социальных аспектов политик наблюдения, распространяющихся в цифровых пространствах. Автор предлагает теоретическую рамку, проблематизирующую использование инструментов цифрового наблюдения, особенно технологий распознавания лиц: используются ли они в целях безопасности или для контроля общества.

Отчёт рабочей группы британских учёных «Digital Technologies, Power and Control» под руководством Б. Эванса [12] предлагает критический взгляд на конфигурации власти при цифрово-опосредованном взаимодействии. Исходная посылка: индивиды должны сохранять власть, необходимую для личного выбора, но цифровизация создаёт риски «информационной бедности» и социальной эксклюзии для тех, кто не имеет доступа к технологиям.

В исследовании С. В. Назаренко подчёркивается амбивалентная функция социального контроля: обеспечение воспроизводства типичного нормативного поведения людей, благодаря чему сохраняются социально значимые ценности, нормы и социальный порядок [13].

О. В. Гавриленко в работе «Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения» [14] выделяет следующие эффекты трансформирующихся систем контроля: современные технологии наблюдения осуществляют социальный контроль удалённо, сокращается количество необходимых контролёров-людей (например, полицейских), снижается стоимость социального контроля, расширяются границы его проникновения.

Основные направления институциональных изменений в сфере социального контроля

Размывание границ формального и неформального контроля. Классическая социология (от Чикагской школы до Т. Парсонса) проводила достаточно

чёткое различие между формальным контролем, осуществляемым специализированными институтами, и неформальным — механизмами межличностной регуляции в первичных группах. Современные исследования фиксируют размывание этой границы.

С одной стороны, формальные институты всё активнее интегрируют неформальные механизмы в свои практики — от апелляции к общественному мнению как фактору воздействия до создания программ, предполагающих сотрудничество полиции с местными сообществами. С другой стороны, неформальные практики всё чаще приобретают формализованный характер — например, когда школьные правила поведения кодифицируются и приобретают характер квазисудебных процедур.

Как обращал внимание С. Коэн [1], в современных обществах границы социального контроля теряют чёткость. Возникает ситуация, когда индивид может одновременно находиться под воздействием формальных санкций (условное осуждение), квазиформальных (предписания социального работника) и неформальных (общественное порицание) механизмов, причём их взаимодействие создаёт новые контрольные эффекты.

Гибридизация контрольных практик. Институциональные сдвиги порождают гибридные формы контроля, сочетающих элементы различных идеальных типов. Наиболее ярким примером выступают проблемно-ориентированные суды — drug courts (суды по делам о наркотиках) и mental health courts (суды, рассматривающие дела лиц с психическими заболеваниями), которые объединяют юридическую процедуру с терапевтическим вмешательством. Это специализированные суды, которые предлагают альтернативы традиционной системе уголовного правосудия. Они направлены на лечение преступников, а не на их наказание.

В этих гибридных институтах классическая репрессивная логика (подсудимый, обвинение, наказание) переплетается с медицинской (диагноз, лечение, выздоровление) и социально-патерналистской (поддержка, реабилитация, ресоциализация). Возникает парадоксальная ситуация «принудительной терапии» или «терапевтического наказания», где лечение выступает одновременно и альтернативой санкции, и самой санкцией.

Аналогичные гибридные формы возникают в исправительных учреждениях, где программы лечения становятся неотъемлемой частью отбывания наказания, или в социальной работе, где помощь обуславливается выполнением контрольных предписаний. Гибридизация становится способом расширения контрольного воздействия — репрессивные меры легитимируются через апелляцию к заботе, а терапевтические интервенции усиливаются принудительным компонентом.

Технологизация и алгоритмизация контроля. Особое направление институциональных изменений связано с технологической трансформацией контрольных механизмов. Электронный мониторинг, биометрическая идентификация, прогностическое моделирование рисков, автоматизированные системы принятия решений — все эти технологии качественно меняют природу социального контроля. Фактически контроль смещается от наблюдения за человеком физически к наблюдению за его цифровым следом. Современные исследования фиксируют рост киберпреступности. Так, по данным опроса населения России, проведённого сотрудниками сектора социологии девиантного поведения ИС ФНИСЦ РАН (март–май 2024 г.), многие респонденты считают вероятность стать жертвой кибермошенничества высокой, особенно в отношении незаконного использования

персональных данных и взлома электронной почты. При этом количество опасных киберпреступлений увеличивается с возрастом [15].

С. Коэн [1, с. 170], анализируя ранние формы электронного контроля, отмечал их амбивалентность: с одной стороны, они позволяют избегать тюремного заключения, с другой — существенно расширяют возможности надзора и его продолжительность. Электронный мониторинг выступает классическим примером «контроля без стен»: индивид находится в сообществе, но его перемещения, контакты и поведение становятся объектом непрерывного наблюдения.

Сущность данного вида контроля заключается в сборе и анализе метаданных (телеметрия, история поиска, геолокация, транзакции). Алгоритмы выявляют аномалии (девиации) автоматически. Например, банковский скоринг фиксирует отклоняющееся финансовое поведение, а системы распознавания лиц — нахождение в «запретном» месте.

Современные технологические возможности уходят далеко за пределы того, что мог представить С. Коэн. Big Data и алгоритмы машинного обучения позволяют не только фиксировать, но и прогнозировать девиантное поведение, что создаёт принципиально новую ситуацию «превентивного контроля». Институциональные изменения в этом контексте означают переход от реагирования на совершённые деяния к управлению будущими рисками на основе статистических вероятностей. Контроль становится проактивным и предиктивным. Контроль становится гибким, динамичным, всепроникающим [16]. Общество пытается наказать не за совершенное преступление, а за потенциальную возможность его совершить.

Видеоаналитика и распознавание девиантного поведения на основе нейросетей. Наиболее динамично развивающееся направление цифрового контроля связано с применением технологий компьютерного зрения и глубинного обучения для автоматического выявления отклоняющегося поведения в видеопотоках. Эта технология позволяет автоматически анализировать видеопотоки с камер наблюдения, выявлять девиантное поведение и потенциальные угрозы в режиме реального времени.

Системы видеоаналитики на основе нейросетей включают распознавание людей и объектов (например, оружия по силуэту одежды). Также алгоритмы могут распознавать и оценивать выражения лиц и жесты, которые могут указывать на агрессию и нежелательное поведение. Кроме этого, системы фиксируют перемещения людей, оставленные предметы.

Среди отечественных разработок можно выделить систему интеллектуального видеонаблюдения, разработанную учёными Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А.¹ В режиме реального времени «распознаватели» нейросети анализируют видеопоток с камер наблюдения, отмечая различные типы угроз, и мгновенно передают сигнал тревоги на «пункт мониторинга» оператору. Например, они могут определить по силуэту одежды наличие пистолета или ножа, отметить агрессию и излишнюю тревожность на лице посетителя, среагировать на подозрительную сумку.

¹ Учёные СГТУ разработали систему интеллектуального видеонаблюдения: распознавания девиантного поведения и забытых вещей // СГТУ. 15.08.2022. URL: <https://www.sstu.ru/news/uchenye-sgtu-razrabotali-sistemu-intellektualnogo-videonablyudeniya-raspoznavaniya-deviantnogo-poved.html> (дата обращения: 05.04.2026).

В Московском техническом университете связи и информатики также разработали алгоритм обнаружения девиантного поведения, основанный на оценке позы человека и алгоритме OpenPifPaf с открытым исходным кодом. Дополнительно было создано веб-приложение, которое реагирует на девиантное поведение, фиксирует его, записывает событие в базу данных и отображает уведомление².

Специалисты Университета Чунг-Анг (Южная Корея) разработали трёхэтапную архитектуру интеллектуальной системы видеонаблюдения: 1) генерация базовых метаданных через обнаружение и трекинг объектов; 2) распознавание аномального поведения для формирования событийных метаданных; 3) поиск на основе SQL-запросов (Structured Query Language). Модель успешно классифицирует такие действия, как толкание, акты агрессии, падение и нарушение периметра [17].

Принципиально важным этапом в развитии систем контроля является сдвиг от идентификации девиантного поведения к распознаванию подозрительного поведения (suspicious behavior detection). Обнаружение подозрительного поведения — это процесс выявления и анализа действий, моделей поведения или взаимодействий, которые отклоняются от нормы и могут сигнализировать о потенциальных рисках или угрозах. Сфера применения таких решений охватывает обширный спектр задач, начиная с обеспечения безопасности на массовых мероприятиях и заканчивая предотвращением финансовых преступлений и кибератак. Данная система включает в себя несколько технологий, например, специальные системы моделируют нормальное поведение, а всё, что не классифицируется как обычное, считается подозрительным. Это может включать анализ аномальных движений, траекторий или поведения толпы. Также для обработки видеопотоков и других данных применяются методы машинного обучения: свёрточные (CNN, 3DCNN) и рекуррентные (RNN) нейронные сети и другие алгоритмы, которые позволяют выявлять аномалии в поведении людей, движениях, взаимодействиях [18].

Мониторинг цифровых следов в социальных сетях и образовательной среде. Второе направление цифрового контроля связано с анализом онлайн-активности индивидов, прежде всего несовершеннолетних, отнесённых к группам риска. Профилактический потенциал такого мониторинга включает три ключевых направления: раннее выявление суицидальных рисков, депрессии, пищевых расстройств, вовлечённости в деструктивные группы; понимание социального контекста (кибербуллинг, отношения со сверстниками); осуществление проактивного вмешательства до перехода проблемы в острую фазу [19].

Однако одновременно фиксируется спектр этико-правовых проблем: нарушение приватности (сбор данных без информированного согласия), риск контекстуальных ошибок и стигматизации, подрыв доверия между педагогом и учеником, отсутствие чёткого правового регулирования. Исследователи социального контроля подчёркивают необходимость баланса между заботой о благополучии и уважением к приватности: «технологические возможности должны служить гуманитарным целям — не заменять живое человеческое взаимодействие, а дополнять его» [19].

² В МТУСИ разработали алгоритм обнаружения девиантного поведения // МТУСИ. 06.06.2023. URL: https://mtuci.ru/about_the_university/news/7658/ (дата обращения: 05.04.2026).

Принципиально важным событием 2025 года в сфере социального контроля стала разработка экспертами МГППУ и Центра им. В. П. Сербского «Навигатора профилактики социальных рисков детства в цифровой среде»³. Это методическое пособие, созданное по поручению Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и прошедшее межведомственное согласование (Минпросвещения, Минздрав, Минобрнауки, МВД, СК), предоставляет специалистам чёткие и структурированные алгоритмы для своевременного выявления признаков девиантного поведения несовершеннолетних в сети Интернет.

Новизна разработки заключается в систематизации и классификации видов девиантного онлайн-поведения, включая ранее не описанный тип — кибервиктимно-девиантное поведение. В структуру Навигатора входят памятки по киберагрессивному, киберделинквентному, киберсамоповреждающему, киберсуицидальному, кибераддиктивному поведению.

Ещё одним направлением технологизации профилактики является использование методов машинного обучения для превентивного выявления девиантных групп подростков. В. Л. Евсеев и А. С. Бураков предлагают систему, основанную на онлайн-профайлинге страниц социальных сетей (прежде всего «ВКонтакте»), где объектами исследования выступают профили обучающихся. Выделяются три категории девиантных групп: потенциальные стрелки (скулшутинг), потенциальные буллеры и потенциальные суициденты.

Для выявления девиации предлагается измерять тревожность и агрессивность по косвенным признакам, репрезентированным на страницах, с последующей кластеризацией методом k-средних для выделения групп риска. Хотя авторы подчёркивают, что предложенный инструментарий предназначен для частичной автоматизации сбора данных, а не для замены профессиональной оценки психолога, сам факт появления таких разработок свидетельствует о переходе от реактивной к предиктивной логике контроля в образовательной среде [19]. Эмпирические исследования российских учёных подтверждают широкое распространение «цифровых девиаций». В частности, опрос жителей Республики Татарстан (N=1864) выявил высокую степень вовлеченности населения в рискованные практики, связанные с анонимностью и агрессивным взаимодействием в сети [20]. При этом отмечен низкий уровень обращаемости за институциональной помощью, что указывает на формирование устойчивых моделей кибервиктимизации (опыта становления жертвой в сети) и требует новых подходов к профилактике.

Контроль на основе анализа поведенческих паттернов. Третье направление цифрового контроля формируется в корпоративном секторе, особенно на предприятиях критической информационной инфраструктуры (КИИ). Анализ поведенческих паттернов — это метод контроля, который предполагает изучение устойчивых моделей действий, мыслей или эмоциональных реакций человека в различных ситуациях. Он позволяет выявить повторяющиеся схемы поведения, их причины, последствия и влияние на достижение целей.

³ Навигатор профилактики социальных рисков детства в цифровой среде. Версия 1.0. Методические материалы и памятки для специалистов по алгоритмам действий, направленных на предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деструктивные группы, признаков девиантного поведения онлайн детей и подростков с учётом рисков, выявленных в цифровой среде / Богданович Н. В., Делибалт В. В., Дозорцева Е. Г., Дворянчиков Н. В. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2025 г. 51 с. Текст: электронный. URL: https://mgppu.ru/about/publications/prevention_digital_risk (дата обращения: 05.04.2026).

В частности, на предприятиях применяется метод повышения достоверности мониторинга девиантного поведения персонала на основе кластерного анализа [21]. Исходная посылка: «безопасность предприятий КИИ зависит не только от технических решений, но и от человеческого фактора», а нарушения, связанные с действиями персонала, представляют «серьёзную угрозу устойчивости функционирования». Предложенный метод целесообразно использовать в системах мониторинга и профилактики девиантного поведения персонала на предприятиях КИИ.

Обобщая рассмотренные виды и формы цифрового социального контроля девиаций, можно выделить следующую классификацию методов (см. табл. 1).

Таблица 1

Классификация новых методов цифрового контроля девиаций

Метод/ Технология	Объект контроля	Детектируемые девиации	Теоретическая база	Практические реализации
Нейросетевая видеоаналитика	Движения, позы, жесты, траектории движения	Агрессия, падения, пересечение барьеров, подозрительное поведение	Теории машинного обучения, экологическая криминология	Системы распознавания аномалий, SBD
Мониторинг цифровых следов	Посты, репосты, лайки, онлайн-активность	Суицидальные риски, кибербуллинг, деструктивные группы	Психология развития, теории социализации	«Навигатор» МГППУ, алгоритмы для педагогов
Анализ поведенческих профилей	Цифровые профили, многомерные поведенческие признаки	Внутренние угрозы, ненадёжное поведение	Теории управления рисками, организационная психология	Кластерный анализ сотрудников КИИ

Предложенная в таблице классификация новых методов цифрового контроля девиаций позволяет выявлять изменения на уровне сознания объекта контроля. Нейросетевая видеоаналитика вызывает формирование «эффекта наблюдателя» — индивид меняет поведение, осознавая постоянный видеоконтроль; возникает самоцензура двигательных реакций, снижение спонтанности. Мониторинг цифровых следов вызывает интериоризацию «цифрового суперэго» — пользователь начинает фильтровать контент, ориентируясь на предполагаемые критерии безопасности; происходит формирование гиперрефлексии относительно собственного цифрового профиля. Анализ поведенческих профилей приводит к принятию корпоративной нормативности как фоновой; происходит смещение локуса контроля с внешнего на внутренний — сотрудник начинает сам отслеживать собственные «подозрительные» паттерны.

На основе вышеизложенного представляются актуальными дальнейшие исследования в данной области. В частности — анализ социальных последствий. Необходимо изучать, как новые методы контроля перераспределяют власть, создают новые формы неравенства и формируют субъективность в условиях цифрового общества. Зарубежные исследования фиксируют феномен «сдерживания», когда осознание тотальной слежки вынуждает пользователей ограничивать легальную онлайн-активность, поиск информации и свободное самовыражение в сети. Например, лонгитюдное исследование (N=774) показало, что восприятие цифрового наблюдения (dataveillance) напрямую связано с само-

ограничением поведения и чувством бессилия перед системой контроля. Этот эффект дополняет «парадокс расширения сети», когда, формально оставаясь на свободе, индивид оказывается заперт в «цифровом паноптикуме», где его действия становятся элементом системы наблюдения [22].

Также внимание следует уделить разработке этических протоколов, что вызвано необходимостью баланса между безопасностью и приватностью, профилактикой и стигматизацией. Помимо этого, актуальным представляется междисциплинарная интеграция, соединение социологической теории, криминологических концепций и технических разработок для создания более эффективных систем контроля.

Дисперсия и концентрация контроля: парадоксы расширения сети. Парадокс современных практик заключается в том, что дисперсия социального контроля происходит параллельно с его концентрацией. Контроль становится более распределённым в пространстве, выходя за стены тюрем и проникая в общество, но одновременно он становится более плотным и интенсивным в отношении целевых групп.

Этот тезис требует пересмотра линейных представлений о либерализации контроля. Как показано в исследованиях, декриминализация одних деяний сопровождается криминализацией других, деинституционализация в сфере психического здоровья — расширением практик принудительного лечения, а альтернативные санкции — усилением надзора за новыми категориями населения.

Исходно описанный С. Коэном [1] эффект «расширения сети» сохраняет аналитическую значимость и в отношении современных контрольных инноваций. Программы восстановительного правосудия, альтернативные меры пресечения, профилактические учёты — все эти меры, позиционируемые как смягчающие, в реальности расширяют контрольное воздействие на тех, кто ранее мог избежать контакта с системой. Цифровые технологии интенсифицируют описанный им эффект «расширения сети». Мониторинг социальных сетей позволяет вовлекать в орбиту контроля тех, кто ранее мог избегать формальных санкций (например, подростков с суицидальными мыслями, ещё не совершивших попыток). Видеоаналитика с детекцией подозрительного поведения расширяет контроль во времени и пространстве от реагирования на событие к превентивному наблюдению за потенциально опасными индивидами. Анализ поведенческих профилей сотрудников в свою очередь расширяет контроль от оценки результатов работы к оценке поведенческих паттернов и прогнозированию рисков.

Стоит отметить, что расширение контроля происходит не только количественно (больше людей под контролем), но и качественно (более интенсивное и длительное воздействие). Современные технологии позволяют осуществлять непрерывный мониторинг там, где ранее контроль был эпизодическим, и сохранять наблюдение там, где ранее оно прекращалось.

Исследования показывают, что гибридные механизмы социального контроля порождают ряд последствий. Во-первых, происходит смещение критериев оценки — успешность определяется не только юридическими параметрами (соблюдение закона), но и терапевтическими (изменение установок, признание проблемы). Во-вторых, размывается ответственность — гибридные институты могут перекладывать решения друг на друга, создавая зоны безответственности. В-третьих, усиливается проникновение контроля в приватную сферу — терапия

требует раскрытия интимных аспектов жизни, которые становятся объектом профессиональной оценки.

Параллельно с развитием прикладных методов формируется теоретическая рефлексия цифровой трансформации социального контроля. Так, Ю. Ю. Комлев проводит концептуализацию происходящих изменений, рассматривая «феноменологию “старой” и “новой” девиантности в условиях цифровизации и сетевизации социума», «дисфункции институтов социализации и трансформацию социального порядка», «стремительное развитие цифрового социального неравенства и контроля» [23]. Ю. Ю. Комлев обосновывает необходимость развития цифровой девиантологии как ответа на вызовы технологической революции и социальные проблемы, которые она порождает. Также им предлагается «более тесная интеграция юридических, социологических и других поведенческих наук и технологических знаний» для решения правоприменительных задач.

Заключение. Проведённый теоретический анализ позволяет сформулировать ряд выводов, обобщающих основные результаты исследования.

Трансформации социального контроля не укладываются в простую линейную дихотомию по противопоставлению гуманизации и ужесточения. Как показано в работах С. Коэна [1], Д. Гарленда [2] и Л. Вакана [8], процессы деинституционализации и декриминализации в одних сферах парадоксальным образом сочетаются с расширением репрессивного аппарата в других. Эффект «расширения сети» сохраняет свою аналитическую значимость: альтернативные санкции, программы восстановительного правосудия и профилактические учёты не заменяют традиционные меры, а дополняют их, вовлекая в системы контроля новые категории населения, которые ранее могли избегать контакта с системой. Контроль становится более распределённым в пространстве («контроль без стен»), но одновременно более плотным и интенсивным в отношении целевых групп.

Ключевым направлением выступает гибридизация контрольных практик, стирающая традиционные границы между формальным и неформальным, принудительным и добровольным, репрессивным и терапевтическим. Проблемно-ориентированные суды, программы принудительной терапии в исправительных учреждениях, а также практики социальной работы, где помощь обуславливается выполнением контрольных предписаний, — всё это примеры гибридных институтов, в которых лечение выступает одновременно и альтернативой санкции, и самой санкцией. В результате происходит смещение критериев оценки от юридических к терапевтическим, размывание ответственности между институтами и углубление контроля в приватную сферу.

Технологическое развитие качественно меняет саму природу социального контроля. Переход от реагирования на совершённые действия к управлению будущими рисками на основе Big Data и алгоритмов машинного обучения знаменует формирование предиктивного, проактивного контроля. Анализ конкретных технологических направлений — нейросетевой видеоаналитики (включая распознавание подозрительного поведения), мониторинга цифровых следов в социальных сетях и образовательной среде, кластеризации поведенческих профилей сотрудников предприятий критической информационной инфраструктуры — показывает, что контроль становится непрерывным, тотальным и всё более автоматизированным.

Институциональные изменения в сфере социального контроля порождают новые социальные последствия и этические дилеммы. К ним можно отнести

углубление социального неравенства (поскольку наиболее интенсивному контролю подвергаются «исключённые» группы), риск стигматизации и ложной идентификации девиантов, подрыв доверия между агентами контроля (педагогами, социальными работниками) и субъектами, а также размывание границ приватности в условиях тотальной оцифровки повседневности.

Сравнительный анализ выявляет двойственное отношение общества к цифровому контролю. Так, исследования в Китае показывают, что осознание населением масштабов слежки способно подрывать доверие к государственным институтам, так как знание о репрессивной природе контроля значительно снижает положительные эмоции и поддержку властей [24]. В то же время европейские данные фиксируют прагматичную готовность граждан мириться со сбором данных в обмен на удобство сервисов и безопасность, формируя феномен «усталости от приватности» [22]. Эта амбивалентность диктует необходимость выработки гибких этических протоколов, учитывающих как объективные риски, так и субъективное восприятие контроля.

Вектор будущих исследований охватывает несколько ключевых направлений. Прежде всего, необходимо эмпирическое изучение конкретных механизмов цифрового контроля в различных институциональных контекстах, будь то уголовная юстиция и образование или социальная работа и цифровые платформы. Кроме того, требуется анализ обратной связи, того, как осознание индивидами факта непрерывного мониторинга трансформирует их поведение (эффект наблюдателя), идентичность и стратегии сопротивления. Не менее значима задача междисциплинарной интеграции — соединения социологической теории, криминологических концепций и технических разработок для создания более эффективных и одновременно более гуманных систем контроля. И, наконец, внимания заслуживает разработка нормативных и этических рамок, позволяющих удерживать баланс между безопасностью и приватностью, профилактикой и стигматизацией, принуждением и свободой.

Библиографический список / References

1. Cohen S. *Visions of Social Control: Crime, Punishment and Classification*. Cambridge: Polity Press; 1985.
2. Garland D. *The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society*. Chicago: University of Chicago Press; 2001. DOI [10.7208/chicago/9780226190174.001.0001](https://doi.org/10.7208/chicago/9780226190174.001.0001).
3. Zuboff Sh. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: PublicAffairs; 2019.
4. Lyon D. *Surveillance Studies: An Overview*. Cambridge: Polity Press; 2007.
5. Brayne S., Lageson S., Levy K. Surveillance Deputies: When Ordinary People Survey for the State. *Law & Society Review*. 2023;57(4):462–488. DOI [10.1111/lasr.12681](https://doi.org/10.1111/lasr.12681). EDN [CIDQVF](https://www.edn.ru/CIDQVF).
6. Rigakos G. S. *The New Parapolice: Risk Markets and Commodified Social Control*. Toronto: University of Toronto Press; 2002. DOI [10.3138/9781442681873](https://doi.org/10.3138/9781442681873).
7. Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris: Gallimard; 1975. (In French).
8. Wacquant L. *Punishing the Poor: The Neoliberal Government of Social Insecurity*. Durham, NC: Duke University Press; 2009. DOI [10.1215/9780822392255](https://doi.org/10.1215/9780822392255).
9. Сизов А. А. Надзор и структурное насилие: от Паноптикона к алгоритмам // Социология власти. 2025. Т. 37, № 3. С. 36–60. EDN [HIDJKV](https://www.edn.ru/HIDJKV).
Sizov A. A. Surveillance and Structural Violence: From Panopticon to Algorithms. *Sociology of Power*. 2025;37(3):36–60. (In Russ.).
10. Riono S., Gunarto G., Hafidz J. Policy Directions for Social Control of Crime in The Digital Era. *Proceeding of International Conference on The Law Development For Public Welfare*. 2025;(4):647. DOI [10.30659/picldpw.v4i0.50169](https://doi.org/10.30659/picldpw.v4i0.50169). EDN [MDPPBG](https://www.edn.ru/MDPPBG).

11. Ateşoğlu N. Invisible Power in the Digital Sphere: Surveillance and Social Control. In: Çelik N., Ateşoğlu N., Güner Ş. S. Sociological Dimensions of Platformization: Power, Culture, and Identity in the Digital Age. Hershey, PA: IGI Global Scientific Publishing; 2026. P. 287–300. DOI [10.4018/979-8-3373-4267-2.ch011](https://doi.org/10.4018/979-8-3373-4267-2.ch011).
12. Evans B., Frumkin L., Coopamootoo K. [et al.] Digital Technologies, Power and Control. Sprite+; 2022. DOI [10.13140/RG.2.2.20037.67047](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.20037.67047).
13. Назаренко С. В. Ресурсы социально-профессиональной социализации и социального контроля девиаций в цифровом мире // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2019. № 6. С. 19–33. DOI [10.26653/2076-4685-2019-6-02](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2019-6-02). EDN [KNHSKU](https://www.edn.net/KNHSKU).
Nazarenko S. V. Resources of Social and Professional Socialization and Social Control of Deviations in the Digital World. *Scientific Review. Series 2. Human Sciences*. 2019;(6):19–33. (In Russ.). DOI [10.26653/2076-4685-2019-6-02](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2019-6-02).
14. Гавриленко О. В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28, № 1. С. 145–163. DOI [10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163). EDN [MTMMNS](https://www.edn.net/MTMMNS).
Gavrilenko O. V. Digital Technologies of Social Control: Prospects and Social Consequences of their Implementation. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2022;28(1):145–163. (In Russ.). DOI [10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-145-163).
15. Позднякова М. Е., Бруно В. В. Развитие информационно-сетевой среды и девиантное поведение: киберпреступность как новая социальная угроза // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 4. С. 235–254. DOI [10.19181/vis.2024.15.4.12](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.12). EDN [HOJENA](https://www.edn.net/HOJENA).
Pozdnyakova M. E., Bruno V. V. Development of the Information and Network Environment and Deviant Behaviour: Cybercrime as a New Social Threat. *Vestnik instituta sotziologii*. 2024;15(4):235–254. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2024.15.4.12](https://doi.org/10.19181/vis.2024.15.4.12).
16. Платонова С. И. Большие данные и организация социального контроля в цифровом обществе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 4. С. 81–91. DOI [10.18384/2310-7227-2022-4-81-91](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-4-81-91). EDN [UWPPHX](https://www.edn.net/UWPPHX).
Platonova S. I. Big Data and the Organization of Social Control in the Digital Society. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy*. 2022;(4):81–91. (In Russ.). DOI [10.18384/2310-7227-2022-4-81-91](https://doi.org/10.18384/2310-7227-2022-4-81-91).
17. Kim H., Shin J., Park S. [et al.] Intelligent Video Surveillance System with Abnormal Behavior Recognition and Metadata Retrieval. *IEIE Transactions on Smart Processing & Computing*, 2024;13(6):541–552. DOI [10.5573/ieiespc.2024.13.6.541](https://doi.org/10.5573/ieiespc.2024.13.6.541). EDN [JAUJUM](https://www.edn.net/JAUJUM).
18. Joshi A., Jagdale N., Gandhi R. [et al.] Smart Surveillance System for Detection of Suspicious Behaviour Using Machine Learning. In: Pandian A., Ntalianis K., Palanisamy R. (eds) Intelligent Computing, Information and Control Systems. ICICCS 2019. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol. 1039. Cham: Springer; 2020. DOI [10.1007/978-3-030-30465-2_27](https://doi.org/10.1007/978-3-030-30465-2_27).
19. Джамалов Д. К. Мониторинг социальных сетей учащихся группы риска: этические границы и профилактический потенциал // Молодой ученый. 2026. № 5(608). С. 111–114. EDN [GWMOIQ](https://www.edn.net/GWMOIQ).
Dzhamalov D. K. Monitoring of Social Networks of At-Risk Students: Ethical Boundaries and Preventive Potential. *Molodoy uchenyy*. 2026;(5):111–114. (In Russ.).
20. Бакулина Р. А. Социальные практики цифровой девиации и факторы кибервиктимизации. Казанский социально-гуманитарный вестник. 2025. № 4(71). С. 4–10. DOI [10.26907/2079-5912.2025.4.4-10](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.4-10). EDN [AVHWPN](https://www.edn.net/AVHWPN).
Bakulina R. A. Digital Deviant Practices and Factors Contributing to Cybervictimization. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(4):4–10. (In Russ.). DOI [10.26907/2079-5912.2025.4.4-10](https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.4-10).
21. Евсеев В. Л., Бураков А. С., Марченко А. В. Повышение точности определения девиантных групп при подборе и мониторинге персонала предприятий критической информационной инфраструктуры // Безопасность информационных технологий. 2025. Т. 32, № 3. С. 121–131. DOI [10.26583/bit.2025.3.10](https://doi.org/10.26583/bit.2025.3.10). EDN [FHJYQY](https://www.edn.net/FHJYQY).
Evseev V. L., Burakov A. S., Marchenko A. V. Improving the Accuracy of Determining Deviant Groups in the Selection and Monitoring of the Critical Information Infrastructure Enterprises Staff. *IT Security (Russia)*. 2025;32(3):121–131. (In Russ.). DOI [10.26583/bit.2025.3.10](https://doi.org/10.26583/bit.2025.3.10).

22. Meier Ya., Masur Ph. K. Escaping the Digital Panopticon? Longitudinal Effects of Dataveillance Salience Shocks on Privacy Attitudes and Inhibited Behaviors. *Human Communication Research*. 2025;52(2):121–132. DOI [10.1093/hcr/hqaf025](https://doi.org/10.1093/hcr/hqaf025). EDN BGN GMT.
23. Комлев Ю. Ю. Девиантность и социальный контроль в цифровом мире. Избранные статьи. Казань : Казанский юридический институт МВД России, 2024. 420 с. ISBN 978-5-6049707-4-4.
24. Komlev Yu. Yu. Deviance and Social Control in the Digital World. Selected articles. Kazan: Kazanskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii; 2024. (In Russ.). ISBN 978-5-6049707-4-4.
24. Guo D., Kostka G. Knowing Is Disturbing: Emotions and Public Attitudes toward Digital Control under Autocracy. *Perspectives on Politics*. Published online 2025:1–22. DOI [10.1017/S1537592725103551](https://doi.org/10.1017/S1537592725103551).

Поступила: 10.04.2026. Доработана: 16.05.2026. Принята: 25.05.2026.

Сведения об авторе:

Ардельянова Яна Андреевна, кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия.
ardyanaya@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [701425](https://elibrary.ru/author?id=701425); ORCID: [0000-0002-8881-6121](https://orcid.org/0000-0002-8881-6121)

Ya. A. Ardelyanova¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

INSTITUTIONAL CHANGES AND DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIAL CONTROL OF DEVIANT BEHAVIOR

Abstract. The article presents the results of a theoretical understanding of the transformations of social control of deviations, in particular, changes in its forms, principles and mechanisms. Methodologically, the work was based on S. Cohen's concept of social control and subsequent theoretical developments by researchers of the digital society. The key directions of the evolution of social control mechanisms were considered: blurring the boundaries between formal and informal practices, hybridization of social control practices, as well as technologization and algorithmization of social control. Particular attention was paid to the technologization of control, in particular, the methods of neural network video analytics (including the recognition of suspicious behavior), monitoring digital footprints in social networks and the educational environment, as well as clustering behavioral profiles of employees were analyzed. The discussion examines the paradoxical effects of modern control practices: the "expansion of the network" with the introduction of alternative sanctions, the concentration of control with its spatial dispersion, the formation of zones of irresponsibility in hybrid institutions. In conclusion, the prospects for further empirical research aimed at analyzing the social consequences of digital control (new forms of inequality, transformation of subjectivity, the observer effect) and the development of ethical protocols for balancing security and privacy are formulated.

Keywords: social control, deviation, control dispersion, network expansion, digital panopticism, hybridization, algorithmization, predictive analytics, digital deviance, behavior monitoring

For citation: Ardelyanova Ya. A. Institutional changes and digital transformation of social control of deviant behavior. *Science. Culture. Society*. 2026;32(2):9–22. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.2.1>

Received: 10.04.2026. Corrected: 16.05.2026. Accepted: 25.05.2026.

Author information:

Yana A. Ardelyanova, Candidate of Sociology, Senior Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia. ardyanaya@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-8881-6121](https://orcid.org/0000-0002-8881-6121)